

Глава 10

Каторжный труд

Выслушав вопрос Сяо Жун, Цюй Юньме ответил бесстрастно:

— Разумеется, казнить всех до единого. Лишь так можно успокоить души невинно убиенных жителей Ичжоу.

Сяо Жун ожидал подобного ответа, однако всё равно сокрушённо покачал головой:

— Это совершенно недопустимо, государь!

Цюй Юньме мгновенно обернулся к нему. В его взгляде читалось не столько недоумение, сколько холодный вызов.

«Недопустимо, говоришь?..»

— Речи господина Юя были полны крайностей, — продолжил Сяо Жун, — но в одном он был прав. Нельзя винить ваше величество в беспорядках в Ичжоу. Однако тогда, пытаясь остановить кровопролитие ещё большим насилием, вы не довели дело до конца. Вы оставили тлеющие угли, которыми и воспользовались те, кто задумал недоброе.

— Значит, на сей раз мне стоит вырезать всех под корень? — отрезал Цюй Юньме.

— Сказать проще, чем сделать, — вздохнул Сяо Жун. — Земли Ба и Шу издревле славятся своей неприступностью. Стоит местным кланам укрыться в горах, и никакая армия их оттуда не выкурит.

Великий ван лишь презрительно хмыкнул:

— Тоже мне, «местные кланы».

Собеседник промолчал, понимая его иронию. В самом деле, эти люди вовсе не были потомками древних народов Ба и Шу. Сто тридцать лет назад их предки — варвары из Западного края — вторглись в эти земли, сменили имена и провозгласили себя императорами. Их власть не продержалась и десяти с лишним лет, и с тех пор они лишь прятались по углам, упорно именуя себя «коренной знатью».

Подобное на Центральной равнине случалось повсеместно. Позже историки назовут это время Великим переселением народов. Каждое племя грезило о том, чтобы стать хозяевами

Чжунъюаня, но, едва ступив на эти земли, первым делом они брали себе здешние фамилии, учили язык и женились на местных женщинах.

Мятежники из Ичжоу — назовём их для удобства знатью — по большей части носили фамилию Ли. Хунну звали себя Лю, выходцы из Шаньшани — Ван. Племена сяньби оказались куда изысканнее: их новые имена, такие как Мужун, Тоба или Юйвэнь, звучали по-настоящему благородно. В итоге, даже если их государства исчезали, кровь их навсегда растворялась в жилах народа Срединной равнины.

Сяо Жун перевёл дух, решив не вступать в бесполезный спор.

— Государь, вам должно быть известно правило: не стоит загонять зверя в угол. Желание истребить всех лишит этих людей последней надежды. Тогда они пойдут на любую крайность. Но если оставить им лазейку, шанс сохранить жизнь, они не станут сражаться с отчаянием обречённых.

Цюй Юньме нахмурился, чувствуя подвох:

— Ты клонишь к тому, чтобы я их помиловал?

— Ну что вы, — Сяо Жун усмехнулся. — Как можно отпускать тех, кто совершил столь тяжкое преступление?

— Тогда ты предлагаешь мне кормить их за свой счёт? — великий ван окончательно запутался.

— К чему вашему величеству брать на себя столь неблагодарную обузу?

Государь замер в полном замешательстве:

— Так чего же ты от меня хочешь?

Собеседник мягко улыбнулся:

— Я хочу, чтобы ваше величество велело связать их и пригнать сюда. В пути не стоит проявлять к ним излишнюю заботу — главное, чтобы не передохли с голоду. Долгая дорога от Ичжоу до самого округа Яньмэнь станет своего рода проверкой. Тех, кто проявит покорность и доберётся до места, ваше величество одарит «милостью»: заменит смертную казнь пожизненной каторгой. Пусть искупают вину тяжким трудом на благо государства.

Цюй Юньме опешил. Он взглянул на Сяо Жуна совсем другими глазами.

«Кто бы мог подумать: с виду — утончённый учёный, исполненный изящества и такта, а в душе он, оказывается, куда чернее его самого!»

Сам великий ван привык решать вопросы одним ударом меча, никогда не опускаясь до истязаний. Советник тоже не предлагал пыток, но его план сулил каторжникам участь едва ли завиднее смерти.

А юноша продолжал, увлечённый своей идеей:

— Простой народ недолюбливает иноплеменников, но к своим братьям-землепашцам всегда питает сострадание. Конечно, те крестьяне тоже запятнали руки кровью, и гнев народа на них велик. Однако я советую вашему величеству разделить этих людей. Крестьянам стоит дать некоторые послабления. Ведь никто не знает, в какой день другие бедняки, доведённые до отчаяния нуждой и наслушавшиеся чужих посулов, решат поднять знамя мятежа. По сравнению с Южной Юн, под вашим началом людей слишком мало. Если вы провозгласите: «сдавшийся не будет убит, а пленник получит защиту», — враги станут переходить на вашу сторону куда охотнее. А народ, видя вашу заботу даже о пленных, поверит, что к своим подданным вы будете ещё милосерднее. Глядишь, и начнут переселяться к нам целыми семьями.

Цюй Юньме внешне оставался невозмутим, но внутри него бушевал настоящий шторм. Неужели в политике можно использовать столь изощрённые ходы?

Он опустил веки, скрывая вспыхнувший интерес:

— Продолжай.

Сяо Жун, воодушевлённый вниманием, заговорил быстрее:

— Что до «привилегий», то они не потребуют от вас больших затрат. Пусть иноплеменники едят вполсыта, а крестьяне — на восемь частей из десяти. Для тех, чьи руки в крови, само право дышать — уже величайший дар. Пусть терпят и голод, и лишения. Но это лишь начало. Когда самые строптивые будут сломлены, а остальные привыкнут к новой доле, можно ввести награды. За прилежный труд — лишняя трапеза. За особые успехи — тёплое одеяло. А если кто совершит подвиг, ваше величество в виде исключения может даже зачислить его в армию. Пусть и дальше рискует жизнью, но уже за ваше дело.

Великому вану вдруг показалось, что Сяо Жун слишком наивен:

— Ты хоть раз видел этих кочевников? Их можно забить плетью до смерти, но они и звука не проронят. Крестьяне, быть может, и покорятся, но те иноплеменники... они знают лишь вкус крови.

Учёный был иного мнения. Он считал, что человеческая природа везде одинакова. Если отбросить тех, чей разум затуманен фанатизмом, все остальные одинаково боятся смерти. Просто одни умеют притворяться бесстрашными ради своих идеалов, а другие — нет.

Собеседник на мгновение замолк, а затем с тихой усмешкой спросил:

— Государь, вы когда-нибудь голодали по-настоящему?

Цюй Юньме вздрогнул, но промолчал.

Юноша перевёл взгляд на чайную утварь и неспешно произнёс:

— Когда человек доведён голодом до крайности, он перестаёт быть человеком. Он становится зверем, способным на самое жуткое. Что ему за дело до гордости, когда желудок сводит судорогой? Будь он хоть трижды героем, но в лагере, где все вокруг едят, где его соплеменники один за другим выбирают жизнь в обмен на труд... долго ли он продержится? Зверей можно приручить, и людей — тоже. Физические страдания — лишь половина дела, куда важнее надломить дух. У меня в запасе немало способов сделать их покорными, не причинив при этом ни единого телесного вреда. Они и помыслить не посмеют о том, чтобы нарушить ваш приказ.

Сяо Жун говорил с мягкой, почти ласковой улыбкой, но от его слов веяло могильным холодом.

Тот понимал: ему следует быть настороже. Но почему-то, глядя на этого хрупкого юношу, он вдруг почувствовал, что тот перестал быть ему неприятен. Сяо Жун не разглагольствовал о ложном милосердии и даже не скрывал своей безжалостности. Однако его жестокость не была слепой — она служила инструментом власти, превращаясь в своего рода «милость» в этом безумном мире. Он не считал человеческие жизни мусором, он видел в них ресурс.

Отношение государя к советнику начало меняться. Этот книжник явно отличался от тех напыщенных глупцов, которых он встречал прежде.

Взгляд государя смягчился:

— План неплох. Но боюсь, мы упустили время. Я отправил Юань Байфу усмирять мятеж, и к этому часу он, скорее всего, уже закончил. Он знает мой нрав: боюсь, от твоих «каторжников» мало что осталось.

Тот замер:

— Совсем никого? Но как же так?

Цюй Юньме это мало заботило:

— Не велика потеря. Если не хватит этих, найдём других. Хунну то и дело тревожат наши границы — наловим их, и дело с концом.

Сяо Жун тяжело вздохнул:

— Придётся поступить так. Но прошу вас, государь, обязательно известите генералов в Чжанье: пусть не вырезают всех подчистую. Есть дела, которые должны выполнять именно иноплеменники.

Великий ван поначалу решил, что Сяо Жуну нужны рабочие руки для укрепления стен или обработки полей, но теперь он засомневался.

— О каких делах ты говоришь?

Юноша моргнул, осознав, что его слова прозвучали двусмысленно, и поспешил объясниться:

— Ах, я не то имел в виду. Разумеется, любой может махать киркой, но лучше, если это будут чужаки. Я хочу отправить их на рудники. Одного месторождения хватит на сотню лет ручного труда. Местонахождение таких рудников нельзя разглашать, а те, кто войдёт туда, больше никогда не должны выйти наружу.

Договорив, он смущённо улыбнулся:

— В конце концов, я — человек Центральной равнины, и мне хотелось бы дать своим соплеменникам шанс на исправление. Что же до этих иноплеменников, пылающих к нам ненавистью... о них кручиниться не стоит. Впрочем, — добавил он с напускным великодушием, — когда мы продадим добытую руду, можно будет выделить им долю из прибыли. Построить им прямо там, в закрытой зоне, лавки и рынки, чтобы жизнь их не казалась столь беспросветной.

Цюй Юньме молчал.

«Использовать их труд, чтобы добывать руду, продавать её, а потом из этой же прибыли платить им жалованье... И запереть их в подземном городе навечно...»

Голова у великого вана пошла кругом. Ему казалось, что в черепе у него прямо сейчас прорастают совершенно новые, доселе неведомые извилины.